

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ**

Читайте остросюжетные
романы **ТАТЬЯНЫ ШАХМАТОВОЙ**
в серии «Филологическое
расследование»:

УНЕСЕННЫЕ БЛОГОСФЕРОЙ

УДАР ОТТОЧЕННЫМ ПЕРОМ

ИНОСТРАННЫЙ РУССКИЙ

УБИЙСТВО ОНСАЙТ

Татьяна Шахматова

УБИЙ
СТВО
ОН
САЙТ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ1

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Шахматова, Татьяна Сергеевна.
ШЗ1 Убийство онсайт / Татьяна Шахматова. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Филологическое расследование).

ISBN 978-5-04-098229-5

Порой эксперту-филологу Виктории Берсеневой достаточно проанализировать текст, чтобы найти преступника. Именно поэтому к ней обращается владелец айти-компании Павел Кнопкин. Он подозревает, что один из его сотрудников продает секретные документы конкурентам. Вика и ее племянник Саша отправляются расследовать готовящееся преступление в столицу далекого Эквадора, экзотический город Кито. Но Сашу очень тревожит, что Вика слишком очарована молодым миллионером Павлом и принимает все его слова на веру. Похоже, она не понимает, что эксперт ему нужен лишь для прикрытия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098229-5

© Шахматова Т.С., 2018
© Паламарчук Я., оформление, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Глава 1

Такой Гондурас

Мы начали ругаться еще на земле, в самолете вроде бы помирились, но к посадке взаимные упреки пошли по новому кругу, не помню, каким он был по счету. Впрочем, совершенный вид глагола, намекающий на быстротечность и стремительность происходящих событий, в данном случае неуместен. Мы с Викторией были в пути — страшно представить — больше суток, двенадцать часов из которых монотонно летели над Атлантикой, упакованные в гигантскую голубую птичку с логотипом датских авиалиний, поэтому напрасно говорить, что мы только и делали, что ругались, мирились и снова ругались.

В аэропорту Амстердама, в этом неутомимом коронарном сосуде Европы, гудящем разноголовыми людскими потоками, Виктории захотелось курить.

Мне казалось, что пагубная привычка давно побеждена, на что Виктория огрызнулась, мол, перелет действует ей на нервы, а консультацию святого Александра Гондурасского она не зака-

зывала. В такие моменты лучше промолчать, и я промолчал.

Насчет Гондурасского — это она зря, к идее лететь на другой конец света я имел так же мало отношения, как Амстердам к березовым лаптям. Это была Викина идея. Точнее — ее заказ. Ее заказали. Да, именно так. Купили, а она теперь мучилась, что купили слишком дешево.

В общем, курилку мы не нашли, зато на посадку опоздали. Девушка у пропускного контроля, изо всех сил стараясь не потерять профессиональную улыбку, нервно проговорила что-то в рацию на голландском, после чего для нас все-таки открыли дверь к самолету, которую уже успели перегородить бело-красным шлагбаумом. Вика простествовала в любезно расстеленный рукав.

«Uncharted territory», — прочитал я надпись на рукаве, обозначающую место, куда мы собирались лететь. «Территория, не отмеченная на карте».

Гондурас он и есть Гондурас.

— Быстрее, быстрее, — с досадой в голосе то-ропила Вика, как будто это из-за моего каприза мы чуть было не профукали билеты. Если бы не эта европейская терпимость к идиотизму пришельцев из других стран, не видать нам трансатлантического перелета как своих ушей. «Господин Александр Берсенев, госпожа Виктория Берсеньева, пожалуйста, пройдите к выходу номер двадцать семь, посадка на ваш рейс завершена». Они объявили нас раз семь, пока мы наперегонки с траволаторами неслись к нужному выходу. Ничего удивительного в том, что сквозь

профессиональные улыбки стюардесс читалось желание нас немножечко убить.

На крайнем месте нашего ряда величественно восседал индеец. Настоящий, живой индеец в цветастом пончо и с прической из двух толстых кос, куда были вплетены оранжево-желто-зеленые ленты. Широкая бочковидная грудная клетка мужчины едва помещалась в кресло. Грозно глянув на опоздавших, индеец медленно отстегнул ремень безопасности и, не торопясь, с достоинством поднялся.

Пробормотав извинения по-английски и на всякий случай по-испански, — в рамках только что изученной лексики разговорника, Вика скромно уселась на свое место у окна, и пару часов я ее не слышал. Она читала материалы нашего нового дела, а я смотрел какие-то древние библиотечные альманахи — единственное приличное из самолетного плеера, — украдкой пытаюсь рассмотреть индейца. Каждый раз, когда мы с соседом встречались глазами, он слегка щурился и глядел настороженно и неприветливо.

— Промышленный шпионаж и конкурентная разведка, — сказала Вика вместо «приятного аппетита», когда нам принесли ланч.

— Это все, что тебе удалось выяснить за последние два часа? — подколол я, пытаюсь хоть немного отомстить за тот кошмар, который она устроила в аэропорту.

То, что мы едем искать вора, или, как выражался наш заказчик, крысу, которая ворует информацию и передает ее конкурентам, было указано в теме самого первого письма.

Вика посмотрела как-то неопределенно, вздохнула и снова отвернулась к окну.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Началось! Не обязательно цитировать Федора Ивановича Тютчева, чтобы намекнуть, что собеседник вас не так понял или не понял вовсе, но Виктории такой заход казался вполне удачным.

Эта симпатичная, несмотря на всю свою злобедность, дама, высокая, стройная, немного за тридцать, — моя родная тетка, сестра моей мамы. Она филолог, точнее эксперт-филолог. Это значит, что Виктория не просто знает, как правильно пишутся слова, но и умеет вычислить, что за ними стоит. Для нее «цепляться к словам» — это не образное выражение, а профессия. Однажды Виктория сумела вычислить убийцу, анализируя профили убитой пары в интернете, а были случаи, когда ей удавалось установить преступника по нескольким эсмэс выброшенного на помойку телефона¹. После таких словесных фокусов она получила в прокуратуре, где состоит в качестве штатного эксперта, прозвище «детектив с дипломом филолога».

У нас с теткой разница в возрасте двенадцать лет, и я считаю кем-то вроде ее помощника. Но такого клиента, как сейчас, у нас не было еще никогда.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Татьяны Шахматовой «Унесенные блогосферой».

— Попробуй, тут точно рыбы нет? — попросила Вика, протягивая мне пластиковый бокс с запеканкой вроде лазаньи.

На рыбу у Вики была пищевая аллергия, и в мои обязанности также входило следить за ее рационом.

— Креветки, кальмар и мидии, — как и написано: морской коктейль.

Я поковырял в предложенном блюде вилкой, но и так было ясно, что датские авиалинии не собирались вводить нас в заблуждение.

— Хорошо. Какой-то летающий ресторан, — пробормотала она.

Минут через сорок после ланча принесли еще один ланч, который теперь назывался обедом, потом был перекус, потом кофе-брейк, полдник, ужин. В перерывах между приемами пищи белокурые красавицы-стюардессы возили тележку с бутылочками вина, пивом, коньяком, чипсами и орешками, а если кому-то и этого казалось мало, то за шторкой в комнате проводников имелась емкость с надписью «Снеки», откуда дети таскали вафли, чупа-чупсы и разные другие вредные вкусности.

Виктория поела лишь однажды, остальное время догонялась орешками и потягивала вино, закусывая овощным салатом. Впрочем, я понимал ее — если приступ злосчастной пищевой аллергии случится где-нибудь посреди Атлантики, наше путешествие может стать летальным, и, к сожалению, не от слова «летать».

Все началось со звонка по скайпу.

— Мои сотрудники даже в курилку ходят через группу «курилка», понимаете, о чем я? — сразу

взял быка за рога некто Павел Николаевич Кнопкин.

Фамилия оказалась говорящей, потому что с нами связался директор фирмы «Айтишники», канадский миллионер русского, точнее белорусского, происхождения, как охарактеризовала его Википедия. Фирма Кнопкина занималась тем, что упрощала документооборот, сокращая бюрократию, а заодно и людей в крупных корпорациях по всему миру. Это называется красивым словосочетанием «облачные технологии».

— У нас все на переписке. Крысеныш должен где-то проколоться. — Директор пустился объяснять, зачем ему филолог, а мы слушали его хрипловатый голос, наблюдая в камере размытый силуэт с торчащими, как иглы у ежа, волосами, и не совсем верили тому, что слышим. Понять, сколько Кнопкину лет, тоже не представлялось возможным — по ощущениям от сорока до пятидесяти. Википедия не давала ответа.

— Вам надо поменять точку, — заявил вдруг Павел Николаевич и отключился.

— Какую еще точку? — пробормотала Виктория, когда погас экран.

— Может, точку сборки, как у Кастанеды? — пошутил я, а она махнула рукой, и мы больше не возвращались к этому разговору.

Но странным оказался не разговор и не наличие то ли вымышленного, то ли реального канадского миллионера. Странно было, что Виктория согласилась лететь.

Через несколько дней Кнопкин позвонил снова.

— У нас тонны переписки: и внутренние чаты, и электронная почта, и скайп, и социальные сети. Мы завалены сообщениями, — продолжил он с того же места, на каком остановился в прошлый раз.

Говорил белорусско-канадский бизнесмен отрывисто и четко, как будто давал секретарше рядовое поручение о распечатке договоров. «Да, и кофе. Не забудьте, пожалуйста», — как будто собирался добавить он в конце.

— Я думала, что такие вещи, как хождение информации, контролирует система безопасности, — вставила наконец слово Виктория.

— В том-то и дело, что этот крысеныш как-то обходит службу безопасности. Вы в своих статьях и книгах доказываете, что человек не может не проболтаться. И смените наконец точку. Возьмите эпловскую коробку, я закину вам денег. Это не в счет аванса, просто... Считайте, что это оборудование для нашего проекта. Невозможно разговаривать.

Он снова отсоединился, и по той уверенности, с которой он дозировал информацию для нас, казалось, что господин Кнопкин не только все давно продумал и просчитал, но и знает ответ на свой вопрос. Нам же пока стало понятно лишь одно: под словом «точка» айти-магнат подразумевает точку доступа к интернету. К слову сказать, та модель, которую он порекомендовал, стоила около сорока тысяч рублей. Сорок тысяч за какой-то маршрутизатор! Канадский миллионер явно считал в каких-то других мерах. Однако он все-таки считал, и в этом мы очень скоро убедились.

Лететь нужно было аж в Южную Америку, а поменять точку мы так и не успели: Виктория взяла отпуск за свой счет, я ушел в академку, так как учебный год уже начался, и мы отправились покорять Новый Свет.

Долго отдыхать после обеда в самолете нам не дали: минут через пятнадцать принесли десерт.

Обнаружив под прозрачной фольгой вафли, проложенные мороженым, тюнингованные по краям вишневым конфитюром, я задался только одним вопросом: как удалось в такой сохранности донести это великолепие от ресторана на земле до моего пассажирского кресла?

— Представляешь, что сейчас творится в бизнес-классе?! — совершенно искренне восхитился я, забыв, что даже выстрелы в воздух сегодня ricochetт от небесной тверди и попадают в одну и ту же цель.

— У фирмы Кнопкина страшные утечки, миллионы на кону. Они являются иностранной компанией, местная полиция не поможет: чтобы вычислить крысу, надо владеть русским языком. И при таком раскладе он везет единственного в мире специалиста, который может помочь, в экономклассе, — проворчала Виктория, выгибая спину. — Ты чувствуешь разницу между конкурентной разведкой и шпионажем?

— Я всегда думал, что это синонимы, разница только в точке зрения: наш — это разведчик, а их — это шпион.

— Нет. Это не синонимы.

Вика повернулась, посмотрела на меня грустно и повторила:

— Не синонимы, чтоб их семантическое поле схлопнулось! Разведка — это когда информацию о конкурентах находят, анализируя открытые источники, а шпионаж — это воровство. Чувствуешь? Совершенно разный объем работ.

— А-а-а, — протянул я, веселясь напоказ. — А — это алчность.

— А — это Атвэответственность, — произнесла Вика со смешным акцентом и криво улыбнулась, а потом тихо добавила: — Не хотелось бы ехать на другой край шарика, чтобы опозориться.

— Опозориться в Гондурасе!

— В Эквадоре, — еще тише проговорила она.

— Один фиг, — тоже машинально переходя на шепот, ответил я.

— Не один, — оставила за собой последнее слово моя родственница, снова углубляясь в свои бумаги.

Конечно, я в курсе, что мы направлялись в Эквадор, а не в Гондурас. Но, прочитав несколько травелогов об этих местах, я не нашел особой разницы. Все страны Латинской Америки выглядят ужасно похожими между собой, а Гондурас звучит смешнее и подходит для троллинга некоторых слишком самоуверенных особ.

Оглянувшись, я понял, почему Виктория шептала. Запрокинув голову и страшно, по-разбойничьи обнажив верхние зубы, наш сосед-индеец спал. Наконец-то я смог рассмотреть его. Совиные веки и характерный крючковатый нос казались ненастоящими, как будто нарочно вылепленными с долей преувеличения, чтобы это лицо можно было снимать в исторических фильмах или рисовать с него монументальные портреты грозных

индейских воинов. Стало завидно. Тоже хотелось отключиться до самой посадки, но не помогали ни вино, ни коньяк.

Вика задремала, а я от нечего делать прислушивался к разговорам. Публика в самолете четко поделилась по расовым и языковым признакам. Рослые белокурые пассажиры говорили по-немецки и по-английски, черноволосые, смуглые и рослые — по-испански. Черноволосые, малорослые и коренастые говорили на индейских языках, которых, как выяснилось, столько, что их количество сопоставимо с разнообразием человеческих языков вообще. Возможно, это были наиболее распространенные диалекты кечуа или аймара. Кажется, по-русски на этом лайнере говорили только мы с Викторией.

Я заметил, что индейцы не владели ни английским, ни даже испанским, объясняясь со стюардессами исключительно на языке жестов. Это было удивительно, учитывая тот факт, что испанский является официальным языком Эквадора. Впрочем, я надеялся повидать индейцев в этом путешествии и узнать о них побольше. Это было похоже на реализацию детской мечты о дальних странствиях.

Итак, наше путешествие началось, несмотря на отсутствие курилки в аэропорту Амстердама. Курс лежал на город Кито, столицу Эквадора, а также столицу мирового производства бананов, роз и город, по которому проходит нулевая параллель. Такой вот Гондурас.

Глава 2

Тимбилдер

В аэропорту Кито нас встречал высоченный дедина с козлиной бородой-эспаньолкой. На крупном мясистом носу восседали огромные очки Рай Бан. Округлый живот обтягивала красная футболка с надписью Hard Rock cafe Istanbul. Даже если бы он не держал табличку «ВИКТОРИЯ БЕРСЕНЬЕВА, РОССИЯ, IT-shniki», мы все равно поняли бы, что парень приехал за нами.

Как узнать русского в иностранной толпе? Отсутствие улыбки? Затравленный взгляд? Ничего подобного! Люди, которые давно живут за рубежом, быстро привыкают к первому и теряют второе. Какие-нибудь шведы или норвежцы тоже не щедры на улыбки, но дело не в этом. Это скорее похоже на то, как мы отличаем высокую литературу и развлекательную. Достаточно нескольких страниц, чтобы понять, но сформулировать, в чем конкретно разница, получится не сразу. Здесь то же. Это и особое напряжение мышц во круг рта из-за жесткости русской артикуляции, и привычка выяснять отношения на людях, громко